ПИНЧУК ЕВГЕНИЙ

В НАШЕЙ СМЕНЕ ЛИШНИЙ

СТРАШИЛКА НАШЕГО ДВОРА
КНИГА 1

Евгений Пинчук

В нашей смене лишний

https://litres.ru/74743142
SelfPub; 2026

Аннотация

Лето 1983 года. В пионерлагерь «Речной» приезжают двадцать четыре подростка. На вечерней линейке их оказывается двадцать пять.

Артём замечает в строю незнакомого мальчика в мокрой майке. Тот не называет своего имени и просит разрешить ему остаться. Вскоре Сева, единственный, кто с ним подружился, начинает забывать родных. Потом — самого себя.

Пытаясь помочь другу, Артём узнаёт о ребёнке, пропавшем здесь двадцать лет назад. Взрослые тогда утверждали, что его в лагере не было. Теперь по ночам между корпусами ходит старый сторож и пересчитывает детей.

Он ждёт, когда цифры наконец сойдутся.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Пинчук
В нашей смене лишний

Страшилка нашего двора
Книга 1
В нашей смене лишний
Повесть
Лето 1983 года

Глава 1

Второй отряд

Двенадцатого июля наш автобус остановился перед воротами «Речного». Сева ещё держал у рта пустой пакет. Его укачало за пять километров до лагеря, на длинном спуске к Волге. Теперь он сидел, уткнувшись лбом в спинку переднего сиденья, и ждал, пока все выйдут. Мы с Кириллом остались помочь с сумкой. Из неё торчали шахматная доска и свёрнутая трубкой стенгазета: Сева вёз свой прошлогодний диплом, хотя до последнего делал вид, что ехать сюда ему совершенно всё равно.

За стеклом толпились взрослые. Одна женщина вытирала сыну шею носовым платком; он отодвигался, оглядываясь на девчонок. У ворот висела растяжка «Здравствуй, племя молодое!», провисшая посередине. Под ней стоял мужчина в брезентовой куртке и держал створку, чтобы та не закрывалась. В июльскую жару на нём были ещё и резиновые сапоги. Я заметил их, потому что из левого сапога на асфальт вытекла вода.

- Вставай, гроссмейстер, - сказал Кирилл. - Если останешься в автобусе, отвезут обратно.

Сева сполз с сиденья. Я взял его сумку и едва не выронил: кроме доски там, по-моему, лежали все шахматы городского

Дворца пионеров. У выхода пахло горячей резиной, бензином и тем, что водитель вылил на ступеньки из ведра. Мужчина у ворот посмотрел на нас, провёл большим пальцем по костяшкам остальных и отступил в тень.

Вожатая ждала у фанерного щита с распорядком дня. Она представилась Ниной и велела не называть её Ниной Александровной, иначе ей придётся отвечать нам по отчествам. Кирилл тут же сообщил, что он Викторович. Нина поставила галочку в списке и сказала, что Викторовичи сегодня разгружают автобус.

Мне она понравилась. У неё были короткие волосы, обгоревший нос и пластырь на запястье, поверх которого она носила часы. Из нагрудного кармана рубашки выглядывал карандаш, обгрызенный почти до грифеля. Она считала нас по списку, сверяя фамилии с путёвками, и каждый раз поднимала голову, чтобы посмотреть на ответившего.

- Лапин Артём.

- Здесь.

- Жить хочешь у окна или у двери?

- У окна.

- Все хотят у окна. Следующий раз возьмём автобус поменьше, чтобы каждому досталось.

Нам с Кириллом было по пятнадцать. Его отправили в «Речной» на третье лето подряд, меня впервые. Мы жили в соседних подъездах и ещё в мае договорились держаться вместе, но в автобусе Кирилл успел перезнакомиться со

всеми, а я читал надписи, выцарапанные на спинке сиденья. Отец сказал перед отъездом, что мне полезно научиться обходиться без готовой компании. Он хотел устроить меня на другую смену, в августе, но завод выдал путёвку только на июль. Сам отец работал в типографии по ночам и никуда без своей смены не ходил.

Нина пересчитала галочки. Во втором отряде оказалось двадцать четыре человека: двенадцать мальчиков и двенадцать девочек. Нас повели по песчаной дорожке мимо столовой. Слева стоял деревянный клуб с открытыми окнами; внутри кто-то проверял микрофон, повторяя «раз, раз» с такой усталостью, будто занимался этим с самого утра. За клубом начинались сосны, между стволами блестела река.

- К воде только с отрядом, - сказала Нина. - Старую лестницу увидите, даже не подходите. Доски гнилые. Новый пляж направо, за спортплощадкой.

Кирилл шёл рядом со мной и придерживал Севину шахматную доску, которая всё время выскальзывала из сумки.

- В прошлом году лестницу тоже закрывали, - сообщил он. - Потом открыли. Там причал раньше был.

- Для чего?

- Для подводных лодок. Как думаешь, для чего здесь причал?

На повороте я оглянулся. Мужчина в куртке закрыл ворота и стоял лицом к нам. Он снова загибал пальцы. За ним автобус уже разворачивался на дороге, и водитель сигналил

родителям, мешавшим проехать. Мужчина не двигался, хотя заднее колесо прошло совсем близко к его сапогу.

В корпусе нас ждали две спальни, умывальная комната и веранда с тяжёлым столом для настольного тенниса. Я занял кровать у окна. Кирилл бросил сумку на соседнюю, а Сева долго раскладывал на подоконнике таблетки от укачивания, расчёску и маленькую фотографию младшего брата. В нижнем углу снимка виднелся чей-то палец, закрывший половину коляски.

- Мама снимала, - объяснил Сева, заметив мой взгляд. - Она всегда так.

У него на сумке белыми нитками было вышито «ЛЕБЕДЕВ С.». Позже я вспоминал эту надпись чаще, чем фотографию.

Глава 2

Двадцать пять

К вечеру мы успели дважды сходить в столовую, получить постельное бельё и выслушать начальника лагеря. Борис Ильич говорил, стоя на верхней ступеньке крыльца администрации. Он был невысокий, с аккуратными усами и пятном пота на рубашке между лопатками. От него требовалось одно: чтобы смена прошла без происшествий. Он повторил это три раза, а потом пригласил всех участвовать в спортивной жизни.

На вечернюю линейку второй отряд построили возле щита пожарной безопасности. Мы стояли по двое. Передо мной оказался Сева, рядом с ним широкоплечий Антон Буров, который за обедом успел поспорить с поварихой о размере котлет. Девочки выстроились слева. Аля Серова, высокая, с выгоревшей чёлкой, держала под мышкой фотоаппарат «Смена» и пыталась вытащить из сандалии сосновую иголку, не наклоняясь.

Нина прошла вдоль рядов, касаясь каждого взглядом. Я видел, как шевелятся её губы. Дойдя до конца, она нахмурилась, вернулась к началу и велела нам не переставляться.

- Второй отряд, сколько вас приехало?

- Двадцать четыре, - ответили сразу несколько человек.

- Ещё раз спокойно. Первые номера, шаг вперёд.

Я шагнул вместе с остальными. Между мной и Кириллом образовался просвет, в котором стоял незнакомый мальчик. На нём были синие спортивные штаны с растянутыми коленями и белая майка. Волосы прилегали к голове, будто он только что умылся. Я решил, что он из соседнего корпуса, и хотел сказать, но Нина уже просила первых вернуться на место.

Когда я снова посмотрел туда, мальчика не было. За плечом Кирилла виднелась только белёная ножка щита.

Нина подозвала старшую вожатую. Та пересчитала нас быстрее, широким движением руки, и сказала:

- Двадцать пять. Один из третьего прибился, наверное. После разберётесь.

- В третьем все на месте, - ответила их вожатая с другого конца площадки.

До нас донёсся смешок. Антон обернулся и спросил, кто успел привести друга из леса. Я искал мальчика в майке, но попадались одни знакомые лица: Кирилл, Сева, рыжий Пашка, который весь день просил одолжить зубную пасту. Дальше стояли ещё ребята, чьи имена я пока путал. Каждый выглядел так, как выглядел за ужином.

Старшая вожатая пошла к Борису Ильичу. Тот выслушал её, посмотрел в нашу сторону и спустился с крыльца. Разговор с Ниной занял меньше минуты. Она сняла с кармана значок, потёрла его пальцем и приколола обратно, уже криво.

- После линейки сразу в корпус, - сказала она. - По дороге никуда не сворачивать.

Когда пришла очередь доклада, Нина произнесла:

- Во втором отряде двадцать пять человек. Отсутствующих нет.

Борис Ильич кивнул. Стоявшая возле него женщина занесла цифру в журнал. Её ручка царапнула бумагу так громко, что я услышал через площадку, хотя рядом закашлялся Сева. На миг мне показалось, что между нами пахнуло речной тиной.

После линейки я попытался рассказать Кириллу про чужого мальчика. Он шёл боком, подбрасывая сосновую шишку, и слушал вполуха.

- Может, местный. С посёлка лазают иногда. У сторожа внучатый племянник был, всё в футбол просился.

- У какого сторожа? Который нас у ворот встретил?

- Нас никто не встречал. Там Борис Ильич стоял.

Я хорошо помнил мокрые сапоги и куртку, но спорить не стал. На веранде Нина велела всем сесть вокруг теннисного стола и достала утренний список. Фамилии она читала медленно. Двадцать четыре раза ей ответили. Двадцать пятого ответа не было.

Она перевернула страницу, словно рассчитывала найти продолжение, и только после этого разрешила нам расходиться.

Глава 3

Мокрое место

Сева не ложился дольше остальных. Сначала он переставлял тумбочку, чтобы она стояла ровно между кроватями, потом искал конверт с адресом родителей. Кирилл предложил написать прямо на сумке: почтальон разберётся. Сева не ответил. Он вынул фотографию брата, проверил, не погнулась ли, и убрал её под стекло тумбочки, где уже лежала лагерная памятка.

Я писал домой на обороте открытки с теплоходом. Мама просила сообщить, как кормят и есть ли горячая вода. О воде я ещё не знал, поэтому написал про котлеты. Получилось четыре строчки. Подписываясь, я вспомнил, что открытку купил отец, хотя обычно такие вещи покупала мама, и дописал: «Папе привет, пусть не работает по воскресеньям». Потом зачеркнул вторую половину. Отец всё равно стал бы работать.

После отбоя за окном долго ходили взрослые. Фонарик скользнул по потолку, хлопнула дверь умывальной комнаты. Пашка сверху шептал соседу какой-то анекдот, но никак не мог добраться до конца: сам начинал смеяться раньше времени. Я лежал на спине и рассматривал сетку трещин на потолке. У лампочки одна трещина раздваивалась и напомина-

ла реку на карте.

В коридоре прошаркали. Я подумал, что Нина проверяет комнаты, и повернулся к стене. Шаги остановились у нашей двери; ручка опустилась без привычного скрипа. Через щель под дверью проник свет, хотя коридорную лампу выключили ещё перед отбоем.

- Который час? - тихо спросил кто-то.

Никто не ответил. Я приподнялся на локте. Между кроватями Севы и Антона стоял мальчик в майке. В темноте она казалась серой. Он держал руки вдоль тела, и с кончиков пальцев капало на линолеум. Мне было видно, как вода собирается в узкие блестящие дорожки.

- У тебя часы есть? - спросил он, повернув голову ко мне.

- У Нины. Ты откуда?

Он посмотрел на кровать Антона. Антон спал, подтянув колени к животу. Одеяло сбилось, подушка лежала на полу. Мальчик сделал движение, будто хотел поправить ему простыню, но остановился.

- Место заняли, - сказал он.

- Здесь все места заняты. Иди к вожатой.

Он направился к выходу. Я ждал, когда скрипнет дверь, но вместо этого услышал скрежет под собственной кроватью. Пружины коротко звякнули. Я замер, опираясь на локоть, и смотрел на пустой проход. За дверью по-прежнему светилось. В коридоре кто-то тяжело вздохнул и стал считать вполголоса, с паузой после каждого числа.

Я узнал голос мужчины у ворот. До двенадцати он дошёл ровно, потом помолчал и начал снова. Второй раз произносил числа быстрее. На двадцати четырёх голос оборвался. Под моей кроватью что-то сдвинулось, и мокрые пальцы легли на край матраса у самой щеки.

- Не отвечай ему, - шепнул мальчик.

Я зажмурился. Хотел позвать Кирилла, но вдох получился коротким, словно мне придавили грудь. Снаружи щёлкнула доска. Мужчина начал третий раз, и теперь голос двигался вдоль стены: шесть, семь, восемь. На каждом числе железные спинки кроватей едва слышно отзывались, будто по ним проводили ногтем.

Утром я решил, что видел сон. В спальню лез солнечный свет, Кирилл ругался с Пашкой из-за полотенца, а Сева искал упавшую монету. Всё было слишком обыкновенным для того, что случилось ночью. Я сел, спустил ноги и наступил в холодную воду.

Лужа под моей кроватью растеклась до тумбочки. В ней лежала маленькая речная ракушка. Я поднял её, и на пальцах осталась чёрная слизь с запахом гниющих водорослей.

Глава 4

По фамилиям

За завтраком Нина поставила возле своего стула пустую табуретку и усадила на неё Севу: он снова побледнел от запаха молочной каши. Я смотрел на табуретку и вспоминал ночное «место заняли». Мальчик подходил именно к его кровати. Рассказать Севе я пока не решался. Он и без того сидел, держа ложку обеими руками, словно боялся уронить.

После завтрака я попросил Нину выйти на веранду. Кирилл увязался следом. Услышав про мальчика, он перестал улыбаться, но про мужчину в коридоре сказал, что это мог быть завхоз: тот иногда проверял, не засорились ли краны. Нина уточнила, видел ли я лицо. Я ответил, что лица мужчины не видел, и она почему-то спросила ещё раз, уже про мальчика.

- Обычное лицо. Бледный. Глаза серые вроде.

- Возраст?

- Лет четырнадцать. Может, пятнадцать.

Она посмотрела в открытую дверь спальни. Сева наклонился над своей сумкой, зашивая разошедшийся шов. На секунду Нина задержала на нём взгляд.

- Давай так: если опять придёт, будишь меня. Я в комнате у входа. В любое время.

- Вы вчера тоже двадцать пять насчитали?

- Я вчера устала.

Она сказала это быстро и уже собиралась уйти, но Кирилл придержал дверь.

- А старшая тоже устала? И начальник?

Нина убрала его руку с косяка. Раздражения в её движении не было; она просто хотела закрыть разговор, пока его не услышали другие.

- После обеда поговорим. Сейчас на медосмотр.

В очереди к медпункту я познакомился с Алей. Она сидела на перилах, листая инструкцию к фотоаппарату, и призналась, что вчера тоже пыталась нас пересчитать. У неё получилось двадцать пять, хотя она точно помнила: девочек двенадцать, а мальчиков столько же. Мы отошли к умывальникам, где Кирилл придумал провести проверку.

Он разорвал листок из моей тетради на двадцать четыре полоски. На каждой мы написали фамилию и раздали бумажки ребятам. Объяснили, что составляем список для дежурства по столовой. Антон хотел отказаться, но Аля сказала, что отказавшиеся моют котлы. Через десять минут все двадцать четыре полоски вернулись к нам. Лишней не было.

- Вечером ещё раз, - сказал Кирилл. - Только молча. И сразу запишем, пока не забыли.

В медпункт Сева вышел последним. Ему велели посидеть в тени и больше пить. Он остановился у нашего стола и спросил, какую фамилию мы ему написали. Кирилл показал по-

лоску: «Лебедев». Сева внимательно посмотрел, кивнул и пошёл к корпусу.

- Чего он? - спросила Аля.

- Тошнит его, - ответил Кирилл.

Я провёл пальцем по фамилии. Чернила были свежие, шарик ручки оставил в бумаге бороздку. Последняя буква выглядела так, будто её пытались стереть мокрым ластиком. Полоска пахла рекой.

На вечерней линейке мы распределились по разным концам строя. Я считал только мальчиков, Аля девочек, Кирилл всех подряд. Когда Нина пошла вдоль рядов, я увидел мокрую майку возле Севиного плеча. Мальчик стоял боком и смотрел на землю. На этот раз я не отвёл глаз. Попытался сделать шаг к нему, но между нами оказался Антон, потом Пашка. К строю подошла старшая вожатая, и незнакомца закрыл её белый халат.

После доклада мы сошлись у пожарного щита. У Али на ладони было написано «12». У меня тоже. Кирилл разжал кулак: на коже синел номер «25».

- Я каждого видел, - сказал он. - Каждого, понимаете?

С края площадки на нас смотрел мужчина в брезентовой куртке. В одной руке у него была дощечка с приколотым листом, в другой короткий карандаш. Он приложил карандаш к губам, подождал, пока мы замолчим, и аккуратно поставил на листе черту.

Глава 5

Тот, кто считает

На следующий день нам поручили убрать в клубе. Первый отряд репетировал там агитбригаду и оставил на полу столько обрезков бумаги, будто готовился встречать Новый год. Антон отнёс свёрнутый транспарант на сцену, остальные взялись за стулья. Нам с Кириллом досталась подсобка, где хранили удлинители и коробки с перегоревшими лампочками. Дверь оттуда выходила прямо на заднее крыльцо.

У сарая напротив мужчина в куртке складывал доски. Я узнал его со спины. Он работал медленно: поднимал доску, проводил по ней ладонью, откладывал и тянулся за следующей. С каждой доски сыпался песок, хотя они лежали под навесом. Между воротником и кепкой была видна узкая полоска кожи, почти белая.

- Спросим, - сказал Кирилл.

Мы спустились с крыльца. До сарая оставалось шагов десять, когда мужчина положил доску и обернулся. Вблизи лицо у него оказалось широким, с плоским носом и сединой на подбородке. Кожа под глазами потемнела, словно он давно не спал. На рукаве куртки виднелась овальная заплата, пришитая толстой чёрной ниткой.

- Вы по ночам корпуса обходите? - спросил Кирилл.

Мужчина посмотрел на него, потом на меня. Его левая щека едва заметно подёргивалась.

- Вы из второго?

- Из второго. Просто Артём видел...

- Двадцать четыре было. Принял двадцать четыре.

Он говорил, не разжимая зубов. Я заметил, что нижние резцы стёрты почти до десны. Из кармана куртки торчал уголок серого бланка с чёрной рамкой. Когда мужчина нагнулся за доской, бланк сдвинулся, и я прочитал напечатанное слово «НАЛИЧИЕ».

- А вечером двадцать пять, - сказал я.

Мужчина выпрямился. Кирилл перестал раскачиваться на пятках. За спиной у нас грохнул стул, кто-то в клубе выругался, но звук пришёл приглушённым, будто дверь захлопнули.

- Нельзя уводить, пока не сойдётся, - произнёс мужчина. - Ждите отбоя.

Он снова принялся за доски. Мы постояли ещё немного. Я хотел спросить про мальчика, однако Кирилл потянул меня за рукав. На крыльце он оглянулся и тихо сказал, что у мужчины сапоги стоят в луже. Земля вокруг сарая была сухая, пыльная, в сосновых иголках. Лужа занимала только пространство между сапогами и медленно расширялась.

Когда Нина пришла проверять уборку, мы отвели её к задней двери. Мужчины уже не было. Доски лежали одной кучей, на земле осталась тёмная вмятина. Нина нахмурилась,

услышав описание, и спросила, не разыгрываем ли мы её вдвоём. Кирилл принёс из подсобки табуретку и поставил посреди крыльца.

- Давайте дождёмся завхоза, - сказал он. - Спросим, кто у него работает.

Завхоза звали Степан Григорьевич. Он оказался огромным, краснолицым, в майке с расплывшимся якорем. Нёс на плече лестницу, на ходу откусывал яблоко и ворчал, что в клубе опять выбили стекло. Нина описала ему мужчину в куртке. Степан Григорьевич перестал жевать и снял лестницу с плеча.

- Давно видели?

- Полчаса назад, - ответил я. - Здесь.

Завхоз посмотрел на землю, потом на сарай. Он аккуратно поставил яблоко на подоконник и попросил Нину отправить нас в корпус. Та возразила, что уборка ещё не закончена, но он повторил просьбу так, что мы сами подняли вёдра и пошли к двери.

Из зала я услышал его вопрос:

- Он к детям подходил или только считал?

Ответа Нины я не разобрал. Кирилл стоял рядом, сжимая дужку пустого ведра. Потом мы оба услышали, как Степан Григорьевич сказал:

- Надо было эту будку ещё весной сжечь.

Глава 6

Недостающее лицо

После обеда Аля показала нам свою тетрадь. На первой странице она нарисовала план корпуса и подписала кровати. Во второй спальне размещались девочки, но и наши места она знала почти без ошибок. Возле Севиной кровати была крошечная буква «м». Аля пояснила: мокрый. Она тоже видела его вчера на линейке и теперь ждала, пока мы наконец перестанем считать её случайным свидетелем.

Мы сели за теннисный стол. Сева сидел на ступеньках и чистил ногтем засохшую грязь с кед. За два дня он почти ни с кем не заговорил. Когда Кирилл предложил сыграть в шахматы, Сева сказал, что устал, хотя до обеда они как раз договаривались устроить турнир.

- Ты фотографировала линейку? - спросил я у Али.

- Осталось четыре кадра. Я берегу.

- Сними сегодня всех. Чтобы было видно, сколько нас.

Она покрутила кольцо на объективе, но соглашаться не спешила. Проявить плёнку можно было в фотокружке. Его руководитель приезжал из посёлка по пятницам, а пятница была завтра. До вечера нам оставалось решить, как поставить двадцать четыре человека так, чтобы никто не заслонил чужого.

Кирилл предложил фотографироваться после полдника на лестнице клуба. Антон потребовал, чтобы ему разрешили держать футбольный мяч. Пашка полез на перила. Нина, услышав про фотографию, охотно помогла собрать всех: ей, кажется, тоже хотелось получить доказательство, которое можно положить на стол начальнику. Мы встали в три ряда, по восемь человек в каждом. Аля передала фотоаппарат Нине, проверила расстояние и встала рядом со мной.

- Лебедев, голову подними, - попросила Нина.

Сева стоял внизу. Он поднял голову, и я увидел, что губы у него дрожат. Аля заметила тоже: ткнула меня локтем и перевела взгляд на его ладонь. Сева держал кого-то за руку. Второй руки видно не было, только его пальцы сомкнулись вокруг пустого места на уровне бедра.

Нина нажала на спуск. Сева вздрогнул и разжал пальцы.

После съёмки я догнал его на дорожке. Он шёл быстро, ссутулившись, и несколько раз оглянулся через плечо. Я спросил, кто стоял рядом. Сева остановился, посмотрел на меня с таким облегчением, что мне стало стыдно за два дня молчания.

- Ты тоже видел?

Я рассказал про спальню и мокрые пальцы. Он слушал, теребя нижнюю пуговицу рубашки, потом сел на бордюр. Сумка с фотографией брата осталась у него в корпусе, но он всё равно нащупал нагрудный карман, словно проверял, на месте ли она.

- Он со мной ещё из автобуса, - сказал Сева. - Сел на последней остановке, где вода продавалась. Спросил, свободно ли. Я сказал, что свободно. Он всю дорогу молчал. А потом вы с Кириллом подошли, и я решил, что он вышел раньше.

- Почему нам не рассказал?

- Думал, вы будете смеяться. Кирилл уже называл меня гроссмейстером.

Сева признался, что мальчик приходит и днём, когда он остаётся один. Садится рядом, ничего не просит, только иногда спрашивает, скоро ли конец смены. Вчера после ужина они сидели за корпусом. Мальчик сказал, что дома у него болеет мать, а письмо написать не получается: он забыл адрес.

- Он тебя трогал? - спросила подошедшая Аля.

Сева посмотрел на свою ладонь.

- У него руки холодные. Он попросил постоять вместе, чтобы не прогнали. Я думал, его без путёвки привели.

По дороге к Нине он вдруг спросил, не помним ли мы, как зовут его брата. Никто из нас не знал. Сева остановился возле сосны и прижался к коре затылком. Он помнил, что брат маленький, что у него на подбородке родимое пятно, что дома его называют Комаром. Настоящее имя вспомнить не мог.

Глава 7

Нина

Нина выслушала нас в своей комнате. Там пахло хозяйственным мылом и нагретым утюгом. На спинке стула висела белая блузка, под кроватью стоял незакрытый чемодан. Я заметил университетский учебник с закладками и удивился: взрослые в лагере казались частью оборудования, как столовая и громкоговоритель. У Нины оказалась другая жизнь, которую она оставила в городе.

Она посадила Севу к себе на кровать и попросила назвать фамилию, имя, год рождения и домашний адрес. С фамилией он справился сразу, на годе рождения запнулся, адрес выговорил до номера квартиры. Потом попросил бумагу. Написал «Лебедев Всеволод» и перечитал, прижав листок к колену.

- Меня же Всеволод зовут?

Нина кивнула. Подвинула ему стакан воды и вышла к телефону, стоявшему у дежурной в администрации. Мы пошли вместе. Севу она держала за плечо, словно боялась, что тот свернёт и потеряется на прямой дорожке. Борис Ильич встретил нас у крыльца и велел детям подождать снаружи. Нина отказалась. Они некоторое время смотрели друг на друга, после чего он открыл дверь.

В приёмной было душно. На стене тикали часы, возле шкафа стояла канистра для питьевой воды. Нина набрала номер из Севиной путёвки. Связь заказали через посёлок; пришлось ждать. Борис Ильич разложил на столе какие-то бумаги, но не читал. Когда телефон наконец зазвонил, он вздрогнул вместе с нами.

Нина назвала фамилию, представилась, немного послушала и протянула трубку Севе. Тот схватил её обеими руками.

- Мам? Это я. Да, кормят нормально. Мам, как его зовут?

Нина отвернулась к окну. Сева долго слушал, потом повторил:

- Мишка. Мишка, точно. Я просто забыл на секунду.

Он пытался улыбаться, но по подбородку у него текли слёзы. Мать, должно быть, испугалась, потому что он стал торопливо говорить про жару и укачивание. В конце пообещал надеть кепку. Нина забрала трубку и ещё несколько минут объясняла, что мальчик у медсестры под наблюдением. После разговора она записала на бумаге «Михаил» и отдала Севе.

Борис Ильич дождался, пока дежурная уйдёт за водой, и закрыл дверь.

- На вечернюю линейку его не выводить, - сказал он. - Пусть полежит в медпункте.

- Почему именно на вечернюю? - спросила Нина.

- Потому что у него нервное переутомление.

- Борис Ильич, в лагере посторонний. Мы его видели. Степан Григорьевич знает, о ком речь.

Начальник подошёл к окну. На улице первый отряд тащил сетку для волейбола, и старший мальчик, пятясь, наступил на клумбу. Обычно Борис Ильич непременно сделал бы замечание, но сейчас смотрел сквозь них.

- Бывает, что местные забираются. Я велел проверить ограду.

- Тогда почему вы вчера заставили меня доложить двадцать пять?

Он обернулся так резко, что Сева вжал голову в плечи.

- Я велел вам не устраивать балаган перед всем лагерем. Вы отвечаете за детей. Займитесь детьми.

На улице Нина велела нам проводить Севу в медпункт и дождаться её там. Когда мы дошли до крыльца, Аля спросила, поверила ли она нам. Нина сжала ремешок часов на забинтованной руке, потом отпустила.

- Я буду рядом, - ответила она. - Пока этого достаточно.

Мы уже поднимались по ступенькам, когда из медпункта вышла пожилая женщина в выцветшем платье. Она несла сетку с чистыми полотенцами. Увидев Севу, женщина остановилась и так сильно потянула сетку к себе, что из неё выпало полотенце. Оно развернулось на песке, но она даже не нагнулась.

- С кем он ходит? - спросила женщина у Нины. - Вы скажите мне, с кем он здесь ходит?

Глава 8

Дом за оградой

Женщину звали Лидия Сергеевна. Она работала в поселковой амбулатории, а в лагерь приносила бельё для медпункта. По словам медсестры, раньше Лидия Сергеевна жила здесь всё лето, потом перестала соглашаться на смены. В посёлке у неё был дом на две половины, свою она занимала одна. Ключи висели на шнурке под платьем, и, когда она наклонялась, звякали о пуговицу.

Нина попросила её пройти в кабинет. Нас отправили ждать на скамейке под окнами. Мы сидели молча. Сева держал бумажку с именем брата, разглаживал её большим пальцем, складывал и снова разглаживал. Через открытое окно слышался голос Лидии Сергеевны. Разобрать слова мешал скрип кушетки: кто-то всё время садился и вставал.

Потом женщина вышла. Лицо у неё было спокойное, только застёжку сумки она никак не могла закрыть. Нина помогла. Они постояли рядом, глядя на сосны, и Лидия Сергеевна спросила, можно ли ей забрать Севу на час, до тихого часа. Нина ответила, что пойдёт с нами.

До посёлка вела дорожка вдоль ограды. На повороте мы прошли мимо заколоченной будки с двумя окнами. Внизу двери темнел металлический лист, из-под него торчала тра-

ва. Лидия Сергеевна прибавила шагу. Я вспомнил слова завхоза и обернулся: на маленькой табличке под слоем краски ещё можно было разобрать «УЧЁТ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.